

Ученые степени способствовали продвижению по службе их соискателей и в духовных академиях. В их научно-аттестационном аппарате утвердилось также и почетное докторство. Его обладателями становились церковные иерархи за «особое пастырское служение».

На пути к ученому достоинству соискателя ученых степеней поджидали магистерские, а до 1864 г. и докторские экзамены. Это был громоздкий, трудоемкий, особенно для докторантов, процесс. До 60-х годов XIX в. этот процесс имел самодовлеющий смысл. На его фоне защита диссертации не имела, как сегодня, должностную первейшую значимость. В то время диссертации предназначались роль придатка к экзаменам и это оборачивалось существенным замедлением темпа научно-аттестационного процесса. Данное обстоятельство понуждало ведомство народного просвещения постепенно ослаблять экзаменационные тяготы соискателей ученых степеней: все разветвленной в начале XX в. становилась система узких научных специализаций («разрядов наук»); в 1864 г. упраздняются докторские экзамены; резко сжимается по времени сам экзаменационный процесс.

Путь соискателя к заветной ученой степени завершался «диспутом», который нередко являл пример ярких турниров научных школ и индивидуальных научных эрудиций.

Т. Н. Жуковская

УНИВЕРСИТЕТЫ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГОДОВ: МОБИЛИЗАЦИЯ НАУКИ И ПРОСВЕЩЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Жуковская, Татьяна Николаевна, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, tzhukovskaya@yandex.ru
Zhukovskaya, Tatyana Nikolaevna, associated professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., 199034, St. Petersburg, Russian Federation, tzhukovskaya@yandex.ru

Университеты во время Крымской войны 1853–1856 годов: мобилизация науки и просвещенная дипломатия

Universities during the Crimean war of 1853–1856: Mobilization of science and enlightened diplomacy
Аннотация. На основании архивных документов воссозданы дипломатические усилия российского правительства в критический момент Восточной войны (1853–1856), связанные с помещением в Московский, а затем в Петербургский университет пленных британских моряков из аристократических фамилий. Также документально представлено участие профессоров и студентов университетов и других учебных заведений в сборе пожертвований на нужды войны, отразившее динамику патриотических настроений в обществе и среди интеллектуалов.

Abstract. On the basis of archival documents, the diplomatic efforts of the Russian government were reconstructed at a critical moment in the Eastern War (1853–1856), connected with the placement of British sailors from aristocratic families in the Moscow and then Petersburg University. Also documented is the participation of professors and students of universities and other educational institutions in collecting donations for war, reflecting the dynamics of patriotic attitudes in society and among intellectuals.

Ключевые слова: Крымская война, российская дипломатия, Санкт-Петербургский университет, Московский университет, настроения русского общества в 1853–1856 гг.

Keywords: Crimean War, Russian diplomacy, St. Petersburg University, Moscow University, the mood of Russian society in 1853–1856.

Вступление России в Восточную, или Крымскую, войну сопровождалось огромным патриотическим подъемом, который формировали официальные манифесты, публици-

стика и даже содержание церковных проповедей. С начала декабря 1853 г. и объявления о российских победах при Синопе и Башкадыкларе патриотизм обретает материальное выражение: формируется поток пожертвований на нужды войны, ставших массовыми во время осады Севастополя, добровольческое движение. Патриотические и милитаризационные настроения разделяли и интеллектуалы, в том числе университетские профессора и студенты, эти настроения не ослабевали и после сдачи Севастополя. «Весть о падении Севастополя заставила меня плакать, — писал профессор Московского университета Т. Н. Грановский К. Д. Кавелину. — Будь я здоров, я ушел бы в милицию, без желания победы России, но с желанием умереть за нее. Душа наболела за это время»¹.

В месяцы военных и политических поражений России, породивших упадок духа, включаются компенсаторные общественные механизмы: героизация и мифологизация славных эпизодов войны, активная благотворительность и помощь фронту, общественные дискуссии, критика командования, а после смерти Николая I — и правительства. Не случайно московская публика с небывалой торжественностью встречала героев осады Севастополя, уже оставленного². Георгиевская ленточка в петличке фрака или на дамском платье стала тогда знаком причастности к подвигу Севастополя («русской Трои»), попыткой преодоления «общественной скорби». В крестьянстве, как и во время прежних военных потрясений, возродились слухи о царе-избавителе («константиновская легенда»), ожидание «воли» записавшимися в ополчение и просто бежавшими в сторону фронта.

Сообщество студентов и профессоров не могло остаться в стороне от милитаризационной повестки и патриотического подъема. Затянутые в мундиры полувоенного покроя, обучавшиеся военным наукам, а также маршировке и ружейным приемам, студенты университетов имели возможность выхода в военную службу и ускоренного получения офицерского чина, а потому воспринимались как «мобилизационный резерв». Профессор Петербургского университета А. В. Никитенко воспроизводит в своем дневнике диалог императора с министром народного просвещения А. С. Норовым на торжественном концерте в Смольном институте 14 декабря 1853 г. Николай I, вопреки своей прежней нелюбви к «ученой молодежи» за ее распущенность, заявил: «Я очень доволен студентами: они так хорошо себя держат, у них такой бодрый вид». На что А. С. Норов отвечал, что он «ручается за то, что каждый из них готов стать в ряды русского победоносного войска и через два месяца быть офицером»³.

Преподавание отдельных военных дисциплин в университетах началось в 1850 г., в период назревания «восточного кризиса». Тогда же было введено «батальонное учение» (строевая подготовка) для студентов и гимназистов старших классов. В декабре 1854 г. министр народного просвещения представил проект введения преподавания артиллерии и фортификации на физико-математических отделениях двух столичных университетов, который был ориентирован на добровольцев, желавших приобрести военную специальность и выйти в службу офицерами⁴. Николай I пошел дальше, предложив в резолюции на докладе Норова дополнить теоретическое учение «практикой» при полках. Император написал: «Преподаванию артиллерии и фортификации не вижу

¹ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 255

² Дружинини Н. М. Москва в годы Крымской войны // Избранные труды. Кн. 3: Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М.: Наука, 1988. С. 174–176.

³ Никитенко А. В. Дневник. М., 2000. Т. 2. С. 225.

⁴ Из всеподданнейшего доклада министра А. С. Норова Николаю I 27 декабря 1854 // Русский архив. 1915. № 3. С. 328–329.

препятствия; ежели в числе студентов найдутся теперь же желающие практически приготовиться к строевой службе при войсках, то легко можно будет сему желанию удовлетворить, прикомандировав их к образцовому пехотному полку»¹.

Война изменила даже университетское расписание. Согласно уставу 1835 г., продолжительность лекции устанавливалась в 1,5 часа. С введением в 1855 г. преподавания военных наук и строевого устава, в Петербургском университете лекции были сокращены до одного часа, чтобы оставить больше времени на изучение военных наук². Прежний порядок полтора-двухчасовых занятий был возвращен во второй половине 1856 г.

Преподаватели и учащиеся включились в сборы пожертвований на нужды войны. 13 марта 1854 г. попечитель столичного учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин сообщал министру о том, что студенты университета собрали тысячу рублей серебром и просят о принятии этих денег «в пользу раненых нижних чинов нашей армии»³. Николай I изъявил студентам Высочайшую благодарность и повелел собранные деньги «обратить в инвалидный капитал»⁴. 2 апреля 1854 г. «профессоры и адъюнкты Петербургского университета» передали еще 930 руб. серебром «по случаю настоящих военных обстоятельств»⁵. Весной – летом 1854 г. в сбор пожертвований включились учащиеся и чиновники всех гимназий, а также уездных училищ столичного округа.

Преподаватели Главного педагогического института составили свою подписку о пожертвованиях на 1855 год. Среди жертвовавших 10-ю часть годового жалования были директор Института И. И. Давыдов, профессор Ф. И. Рупрехт, советник Правления Данилевский. Другие профессора и адъюнкты жертвовали 20-ю часть жалования «до окончания войны», третьи делали единовременный взнос от 10 до 50 руб. Всего в Институте было собрано 792 руб. 60 коп., из единовременных пожертвований и ежегодных отчислений «до окончания войны», обращенных в военный капитал.

Кроме денежных сборов учащиеся активно занимались изготовлением перевязочного материала для раненых. В 1854 г. в Петербургском университете «из ветхого белья, оставшегося после казеннокоштных студентов и пансионеров», был изготовлен 1 пуд 21 фунт корпии, в 1855 г. — 2 пуда⁶. Всего по столичному учебному округу было изготовлено 13 пудов 21 3/4 фунта корпии, «770 шт. и 437 аршин бинтов, 400 бинтиков и 926 компрессов». Перевязочные материалы посылались директору канцелярии Военного министерства, а участвовавшим в их изготовлении также была объявлена через попечителя Высочайшая благодарность⁷.

Денежные сборы производились до конца войны. В феврале 1856 г. студенты Петербургского университета вновь просили перечислить сбор с одного из музыкальных концертов, которые, как доносил попечитель, «уже с давнего времени ежегодно в течение зимних месяцев по воскресным дням с разрешения начальства бывают» для доставления средств бедным студентам. Выручка с этого концерта (11-го по счету «музыкального утра») составила 500 руб. и была направлена «для употребления в пособие раненым при обороне Севастополя». Александр II поблагодарил студентов за это приношение

¹ Из всеподданнейшего доклада министра А. С. Норова... С. 329

² Годичный торжественный акт в Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1856 г. СПб., 1857. С. 14.

³ Дело о сборе денег и вещей для раненых профессорами и студентами университета... // РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Ед. хр. 188. Л. 1–1 об.

⁴ Дело о сборе денег и вещей... Л. 5–5 об.

⁵ Дело о сборе денег и вещей... Л. 9.

⁶ Дело о сборе денег и вещей... Л. 97–97 об.

⁷ Дело о сборе денег и вещей... Л. 74–75.

и распорядился передать деньги в Главное казначейство для причисления к инвалидному капиталу¹.

Некоторые жертвователи перечисляли средства отдельно. Так, гимназист 1 класса Первой Санкт-Петербургской гимназии купеческий сын Алексей Яковлев пожертвовал 25 руб., подаренных ему родителями на день ангела «для обнов и удовольствий». «Но как первые мои удовольствия и долг быть всегда полезным Государю и Отечеству, — объяснял мальчик, — то в настоящее время, когда воины царя грудью защищают Веру и Отечество, считаю священною обязанностию отдать все, что я имею, этим храбрым и верным слугам нашего Императора»².

После оставления Севастополя пожертвования приоборетают гуманитарную направленность: «для покрытия расходов, с призывом ополчения сопряженных», «в пользу морских чинов и их семейств, потерявших дома и имущество в Севастополе», семействам убитых героев обороны³. В 1855 г. деньги уже прямо доставлялись главнокомандующему Южной армией и морскими силами в Крыму⁴.

В критический момент войны летом 1854 г., когда российская власть осознала реальные масштабы войны и политической изоляции, а европейские державы балансировали на грани вступления в военные действия на стороне Турции, именно через интеллектуалов Николай I сделал попытку повлиять на позицию Великобритании.

Документы архива Министерства народного просвещения освещают весьма любопытный эпизод. В мае 1854 г. близ Одессы был «истреблен» британский пароход-фрегат «Тигр». Из числа 200 взятых в плен английских моряков были отобраны 4 гардемарина и вместе с матросом-служителем отправлены в Московский университет, снабжены теплой суконной одеждой и «приличным офицерскому званию» содержанием, вдвое превышающим определенное Положением о пленных 1854 г. Подоплеку этой странной, на первый взгляд, акции объясняет тот факт, что это были молодые люди 17–20 лет, «образованные и из хороших фамилий», а двое из них, Артур-Эдуард Рауден и Перси Нинд учились в Оксфорде (судя по юному возрасту, они вступили в морскую службу, не окончив университета⁵). В своем отношении от 12 мая 1854 г. военный министр сообщал министру народного просвещения А. С. Норову, что гардемаринам следует в Московском университете «производить... одинаковое содержание с нашими студентами и учредить за ними должное наблюдение, назначив для сего особого чиновника, знающего английский язык»⁶. Содержание пленных гардемарин курировал Департамент полиции исполнительной МВД, находясь в контакте с начальством учебных округов. Об их перемещениях «депешей электромагнитного телеграфа» сообщалось императору.

7 июля 1854 г. британцев доставили в Московский университет, где их поместили в освобожденных студенческих покоях, «снабдив всеми необходимыми принадлежностями». Непосредственный надзор за ними был поручен помощнику инспектора студентов и лектору английского языка Э. В. Гарве, «служащему в университете более 20 лет и вполне благонадежному». Однако 9 сентября (после высадки в Крыму англо-французского десанта и неудачного сражения на реке Альме) было отдано Высочайшее

¹ Дело о сборе денег и вещей... Л. 133–133 об.

² Дело о сборе денег и вещей... Л. 21

³ Дело о сборе денег и вещей... Л. 114, 120–129, 130.

⁴ Дело о сборе денег и вещей... Л. 106.

⁵ Дело о сборе денег и вещей... Л. 36–36 об.

⁶ О поручении молодых пленных англичан в ведение попечителя Московского учебного округа... // РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Ед. хр. 189. Л. 1–2.

распоряжение перевезти пленных по железной дороге в Петербург и поместить впредь до особого повеления «на том же основании... при здешнем университете под ближайшим надзором английского пастора, лично известного Его величеству», а обо всех распоряжениях университетского начальства касательно пленных сообщать¹. 22 сентября 1854 г. гардемарины в сопровождении инспектора студентов Йогеля и солдат охраны были отправлены из Москвы в Петербург поездом и прибыли на следующий день. Для их помещения в Петербургском университете были отведены две комнаты с кроватями, постельным бельем и всем необходимым. За надзор и «продовольствование» гардемарин в университете отвечал помощник инспектора студентов Бострем, «доставляя им такое же содержание, каким пользовались при университете казенокоштные студенты»².

В день прибытия англичан в Петербургский университет попечитель М. Н. Мусин-Пушкин «чтобы не впасть в ошибку и не навлечь на себя неудовольствие Государя императора», составил запрос об условиях их содержания, а именно о том, могут ли они «быть отпускаемы со двора по их желанию без всякого ограничения, или с ограничением, и с каким именно, должен ли находиться при них всегда помощник инспектора или могут быть они отпускаемы одни и без провожатого, ... может ли быть дозволено им принимать в своих комнатах посещения знакомых». Попечитель сообщил также, что распорядился пригласить к пленным английского пастора³.

Гардемаринам было дано разрешение принимать посетителей в университете, «предварительно уведомив, кто эти знакомые» и не нарушая рамок предписанного надзора. Но за месяц их пребывания в университете пленных никто не посещал, кроме английского пастора Лау. Император не разрешил отпускать юношей без сопровождения, но дозволил прогуливаться под надзором и, «если пожелают, показать им некоторые учреждения». Позже Николай I передал, что пленных «можно раз свозить в театр» (выделено в документе. — *Т. Ж.*), и что в ближайшие дни он хочет их видеть. Это предупреждение повторялось университетскому начальству дважды, «частно и секретно», с указанием, чтобы англичане были готовы, одеты чисто и тепло. М. Н. Мусин-Пушкин распорядился, «ежели Государю императору благоугодно будет пожаловать в университет», «заботиться и об одежде англичан, и о чистоте воздуха, и об устранении дурного запаха при входе»⁴.

Однако визит Николая I в университет не состоялся, как и предполагаемый вызов пленных в Гатчину для аудиенции. До вовлечения Англии в активные военные действия император, по-видимому, рассчитывал оказать влияние на британское общественное мнение и двор, демонстрируя «цивилизованное лицо» России. Возможно, он разрешил бы британским гардемаринам посещать лекции в университете. Но пользы от их «академического плена» извлечь не удалось. Во время их пребывания в Москве и Петербурге изменилась ситуация на фронте: в Крыму высадился англо-французский десант, положение Севастополя стало критическим. Демонстрировать «просвещенный европеизм» в отношениях с Британским кабинетом стало незачем.

2 октября 1854 г. было дано предписание об отправке пленных на родину через Варшаву, в почтовом экипаже, в сопровождении фельдъегеря. Отправка задержалась на две с половиной недели из-за болезни одного из англичан Артура-Эдуарда Раудена. Во время болезни он находился под наблюдением университетского врача Деля. Нако-

¹ О поручении молодых пленных англичан... Л. 13.

² О поручении молодых пленных англичан... Л. 18.

³ О поручении молодых пленных англичан... Л. 30–31, 41.

⁴ О поручении молодых пленных англичан... Л. 39–40 об., 43.

нец, 21 октября четверо гардемарин в сопровождении служителя и фельдъегеря Шумкова выехали из Петербурга, получив двойные прогоны (денежное содержание на время дороги) из Военного министерства, а также деньги, переданные правительством Великобритании через датского посланника.

Общие издержки Петербургского университета на эту дипломатическую акцию, включая найм кареты для доставки плеников с вокзала до университета, стирку белья, устройство помещения, шитье форменной одежды (не сказано, какой, но, возможно, и студенческих сюртуков), лечение, прогоны сопровождающим, составили 918 руб. 20 коп. Эти деньги были возвращены университету из инспекторского департамента Военного министерства в марте 1855 г., уже в новое царствование.

Приведенные архивные документы о помещении в Московском, а затем в Петербургском университете пленных британских моряков из аристократических фамилий, на наш взгляд, иллюстрируют дипломатические игры николаевского правительства в критический момент Восточной войны. Это была попытка привлечь к положению России внимание сочувствующих европейцев, используя российский университет как символ европейского просвещения.

Список литературы

Годичный торжественный акт в Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1856 г. СПб.: В тип. Э. Веймара, 1857.

Дружинин Н. М. Москва в годы Крымской войны // Избранные труды. Кн. 3: Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М.: Наука, 1988. С. 143–185.

Из всеподданнейшего доклада министра А. С. Норова Николаю I 27 декабря 1854 // Русский архив. 1915. № 3. С. 328–329.

Никитенко А. В. Дневник. М.: Захаров, 2000. Т. 2.

Т. Н. Грановский и его переписка. М.: Тов. А.И. Мамонтова, 1897. Т. 2.

А. Ю. Баженова

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ В УНИВЕРСИТЕТАХ КИЕВА, ХАРЬКОВА И ОДЕССЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Баженова, Анна Юрьевна, научный сотрудник, Институт Центрально-Восточной Европы, Польша, 20-080, Люблин, ул. Нецала 5, bagenovaa@gmail.com

Bazhenova, Anna Yur'evna, researcher, Institute of East-Central Europe, 5, Niecala ul., 20-080, Lublin, Poland, bagenovaa@gmail.com

Научная деятельность польских ученых-гуманитариев в университетах Киева, Харькова и Одессы (вторая половина XIX – начало XX века)

Scholarly activity of Polish researchers in humanities in the universities in Kiev, Kharkov and Odessa (second half of the 19th and early 20th century)

Аннотация. В статье впервые в историографии комплексно исследуется научная деятельность польских ученых-гуманитариев: историков, филологов, философов, литературоведов, правоведов, работавших в университетах Киева, Харькова и Одессы (вторая половина XIX – начало XX в.). Анализируются траектории академических карьер преподавателей и устанавливается продолжительность их работы в упомянутых учебных заведениях. Охарактеризован их вклад в российскую науку, в создание и развитие гуманитарных университетских научных школ. Самую значительную группу польских ученых составляли специалисты по классической филологии (5 профессоров). По 2 преподавателя представ-